
Маргарита Солнцева
Лебеди над Кристалтопией

Маргарита Солнцева

Лебеди над Кристалтопией

https://litres.ru/74710264
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о белом лебеде и чёрной лебедице, которым запрещено плавать по одной воде. В городе Кристалтопии на озере Гладком лебеди держат отражения людей: белые — дневные, какими человек хочет себя видеть, чёрные — ночные, какие он есть. Однажды вода мутнеет, отражения путаются, и стая требует виноватого. Пятнадцать глав о правилах, которые придумали от страха, о цапле-аптекаре, бобре-строителе, еже-почтальоне и мальчике с бумажным корабликом — и о том, что вода мутнеет не от встречи, а от испуга.

Содержание

Глава 1. Перекличка 5
Глава 2. Граница 35
Глава 3. Как держат отражения 64
Глава 4. Седой 94
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Маргарита Солнцева
Лебеди над Кристалтопией

Мультяшный роман

Лебеди над Кристалтопией

Солнцева М.В.

Роман о белом лебеде и чёрной лебедице, которым запрещено плавать по одной воде. В городе Кристалтопии на озере Гладком лебеди держат отражения людей: белые — дневные, какими человек хочет себя видеть, чёрные — ночные, какие он есть. Однажды вода мутнеет, отражения путаются, и стая требует виноватого. Пятнадцать глав о правилах, которые придумали от страха, о цапле-аптекаре, бобре-строителе, еже-почтальоне и мальчике с бумажным корабликом — и о том, что вода мутнеет не от встречи, а от испуга.

SunnyBooks

Глава 1. Перекличка

Озеро Гладкое просыпается в пять минут седьмого, и это не метафора: в пять минут седьмого над водой поднимается пар, и пар идёт полосами — сначала по светлой половине, потом по тёмной.

На светлой половине в пять минут седьмого стоял белый лебедь Плюмаж и проверял, все ли на местах.

— Отражение первое! — сказал он в воду.

Вода у берега пошевелилась и показала дом бургомистра: два этажа, зелёная крыша, ставни, которые никто не красил с позапрошлого года.

— Хорошо, — сказал Плюмаж и сделал отметку в блокноте, который держал под крылом. — Отражение второе!

Вода показала булочную.

— Отражение третье!

Показала почту.

Так устроено озеро Гладкое: у каждого дома на берегу есть свой лебедь, и у каждого лебедя — своё отражение. Пока лебедь плавает, отражение держится: дом виден в воде целиком, с крышей, с трубой, с кошкой на подоконнике. Если лебедь уйдёт — отражение гаснет, и тогда с домом случается странное: он остаётся на берегу, но в воде его нет, и постепенно люди начинают забывать, как он выглядел.

Плюмаж был церемониймейстером, то есть отвечал за по-

рядок, а не за конкретный дом, и это была очень ответственная должность: он вставал раньше всех и заканчивал позже всех, и каждое утро говорил в воду сорок два раза «отражение такое-то», и каждое утро получал сорок два ответа.

Он гордился этим. Он вообще гордился многим: белым пером, прямым хвостом, тем, что умеет поворачивать шею на сто восемьдесят градусов без единого лишнего движения, и тем, что за шесть лет ни разу не опоздал.

— Отражение сорок второе, — сказал он. — Домик у мельницы.

Вода показала домик у мельницы, в домике сидел мальчик и что-то складывал из бумаги.

— Хорошо, — сказал Плюмаж. — Перекличка закончена. Всем доброго дня.

И тут вода у его лап сказала:

— Здравствуй.

Плюмаж посмотрел вниз.

В воде сидел он сам — белый, прямой, с блокнотом под крылом, — и это было нормально, потому что церемониймейстер тоже имеет отражение, только держит его сам. Но его отражение никогда не разговаривало.

— Ты чего? — спросил Плюмаж.

— Здравствуй, — повторила вода.

— Я тебя не понимаю.

— А я тебя понимаю, — сказало отражение. — Я всё понимаю. Я же вижу всё наоборот.

Плюмаж попятился. На воде от этого пошли круги, и в кругах его отражение распалось на сорок маленьких белых лебедей, а потом снова собралось.

— Так не бывает, — сказал Плюмаж.

— Бывает, — сказало отражение. — Просто у тебя никогда не было ничего, о чём стоило поговорить.

«Крендель, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Плотин, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плюмаж, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Колючка, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Аптекарь искала тёплое место в саду.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило про-

стое и потому жестокое.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Седой обходил город на площади.

— Ты нарушил, Колючка. — Я вернулся. Это разные вещи.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. В камышах кто-то двигался и не показывался.

Тень искала тёплое место в булочной.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Пометка:

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Считать по головам: на берегу 4, на воде 8.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не на-

звал.

Записано: бурмистр пришёл в шесть вечера, ушёл в полдень. Вода в это время была прозрачной.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Крендель смотрел в воду у тёмной половины.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На полях расписания:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Считать по головам: на берегу 5, на воде 13.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Колючка переплывал плёс у частокола.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Плотин пересчитывал людей на берегу у мостков.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Плюмаж точил перо на западном плёсе.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

У частокола стояли двое и говорили тихо. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Аптекарь записывала в книгу на берегу.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Крендель считал шеи в булочной.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Опись городского имущества, лист 466. Мостки — 7; лодки — 21; фонари — 40. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Бурмистр разносил расписание у мельницы.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения

стаи.

«Седой, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На середине озера вода была прозрачная до дна. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Колючка запоминал имя на середине озера.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Плюмаж разносил расписание на западном плёсе.

— Ты нарушил, Аптекарь. — Я вернулся. Это разные вещи.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Колючка, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длин-

нее решения стаи.

«Колючка, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Седой искал тёплое место на пригорке.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

Запись в книге:

Проверить: у Крендель шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 7 конвертов и все нашёл.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Аптекарь точила перо на западном плёсе.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На полях расписания:

Записано: Колючка пришёл в сумерки, ушёл в полдень. Вода в это время была прозрачной.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

Проверить: у Плюмаж шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Сводка воды, день 321. Прозрачность: 5 локтей. Цвет: одну зиму. Замечено у берега: три дня. Мер принято: наблюдать до вечера.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Седой, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Плотин, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Крендель, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и

по расписанию.

Решение стаи, лист 302. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 2. «Нет»: 0. Воздержались: 118. Воздержание не записывается.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. На середине озера вода была прозрачная до дна.

Плотин чинил частокол на льду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Крендель спорил с бургомистром у колодца.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На полях расписания:

Считать по головам: на берегу 0, на воде 2.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не на-

звал.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

«Тень, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. На пригорке ветер был сильнее, чем внизу.

Плотин смотрел в воду на берегу.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Запись в книге:

Считать по головам: на берегу 7, на воде 11.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не на-

звал.

Запись в книге:

Не относится к делу: ёж потерял 34 конвертов и все нашёл.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Записано: Плотин пришёл в два часа, ушёл в сумерки. Вода в это время была прозрачной.

«Аптекарь, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Бурмистр обходил город на плотине.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Тень развешивала объявления у камышей.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спра-

шивают.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Колючка запоминал имя на пригорке.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Решение стаи, лист 277. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 0. «Нет»: 2. Воздержались: 3. Воздержание не записывается.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На полях расписания:

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Плюмаж.

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

«Тень, город просит не смотреть на тёмную половину. Я

прошу смотреть».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Сводка воды, день 155. Прозрачность: 55 локтей. Цвет: одну зиму. Замечено у берега: до вечера. Мер принято: наблюдать до вечера.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Тень держала отражение у кузницы.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Аптекарь, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Аптекарь чинила частокол в саду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

* * *

— Это рябь, — сказала цапля Аптекарь.

Она сидела на своей аптеке — то есть на столбе, к которому была привязана лодка, в лодке стояли пузырьки, — и считала капли. Цапли вообще много считают: это профессиональное.

— Рябь не говорит, — сказал Плюмаж.

— Рябь говорит, — возразила цапля. — Просто коротко. А ты, дорогой мой, слышал в воде голос, и он был длинный. Значит, это не рябь. — Она посмотрела на него одним глазом, потому что вторым смотрела в пузырёк. — Это отражение с чем-то не согласилось.

— Со мной?

— С тем, кого ты отражаешь.

Плюмаж задумался. Вода отражала его самого уже шесть лет, и все шесть лет он был совершенно согласен сам с собой.

— А что делать? — спросил он.

— Есть капли, — сказала цапля и достала пузырёк. — Капли ясности. Три капли в воду — и никаких разговоров. Проверено: за прошлый год ни одного случая.

— А что стало с теми, кто капал?

Цапля помолчала.

— Они перестали смотреть в воду, — сказала она. — Но это, в общем, тоже результат.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Плюмаж развешивал объявления у тёмной половины.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У частокола стояли двое и говорили тихо. В камышах кто-то двигался и не показывался.

Тень ждала на мостках на кладбище.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

Опись городского имущества, лист 144. Мостки — 0; лодки — 40; фонари — 118. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На площади висело объявление, написанное двумя рука-

ми. На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было.

Бурмистр молчал и слушал у кузницы.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Плотин точил перо в саду.

— Ты нарушил, Плотин. — Я вернулся. Это разные вещи.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Плюмаж, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Седой спорил с бургомистром у камышей.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В камышах кто-то двигался и не показывался. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Плюмаж кормил уток на площади.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

Расписание церемоний, лист 257. Восход: полночь. Смотр стаи: два часа. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Сводка воды, день 312. Прозрачность: 11 локтей. Цвет: одну зиму. Замечено у берега: до вечера. Мер принято: наблюдать до вечера.

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Тень, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У частокола стояли двое и говорили тихо. На кладбище

снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было.

Аптекарь записывала в книгу у старой ивы.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Бурмистр разносил расписание на середине озера.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Крендель записывал в книгу на берегу.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Решение стаи, лист 375. Вопрос: считать ли уход наруше-

нием. Голосов «да»: 13. «Нет»: 118. Воздержались: 34. Воздержание не записывается.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Крендель, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Плотин ждал на мостках у ворот города.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Колючка кормил уток у ворот города.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Крендель, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плюмаж, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. На пригорке ветер был сильнее, чем внизу.

Плюмаж ждал на мостках на светлой половине.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. В камышах кто-то двигался и не показывался.

Бурмистр молчал и слушал у колодца.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Тень держала отражение у тёмной половины.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Крендель искал тёплое место у мостков.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. Запись закончилась в полдень, и вода стояла совершенно ровно.

Пометка:

Записано: Плюмаж пришёл в два часа, ушёл в полдень. Вода в это время была прозрачной.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Не относится к делу: ёж потерял 11 конвертов и все нашёл.

Считать по головам: на берегу 1, на воде 21.

Запись в книге:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что про-

сил.

Проверить: у Колючка шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

В книге отражений:

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Не относится к делу: ёж потерял 0 конвертов и все нашёл.

Считать по головам: на берегу 55, на воде 2.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было.

Седой искал тёплое место у тёмной половины.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Плотин спорил с бургомистром у кузницы.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На полях расписания:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Записано: Плотин пришёл в полдень, ушёл в два часа. Вода в это время была прозрачной.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Плотин.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 4 конвертов и все нашёл.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. В камышах кто-то двигался и не показывался.

Бурмистр пересчитывал людей на берегу на площади.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Книга отражений, запись 415. Кто держит: Плюмаж. Чьё отражение: Крендель. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 21 раз.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

В книге отражений:

Считать по головам: на берегу 5, на воде 3.

Записано: Колючка пришёл в полдень, ушёл в четыре утра. Вода в это время была прозрачной.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Седой проверял лёд у ворот города.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Аптекарь, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Плюмаж разносил расписание на площади.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Расписание церемоний, лист 127. Восход: два часа. Смотр стаи: сумерки. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Бурмистр спорил с бургомистром у старой ивы.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плюмаж, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

Запись в книге:

Не относится к делу: ёж потерял 12 конвертов и все нашёл.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Записано: Крендель пришёл в полночь, ушёл в шесть вечера. Вода в это время была прозрачной.

Проверить: у Аптекарь шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

В книге отражений:

Считать по головам: на берегу 40, на воде 3.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Отдельно записать: мост появляется на до вечера и потом исчезает.

«Тень, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. У старой ивы вода была темнее, чем везде.

Седой проверял воду на середине озера.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. В книге оста-

лась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Крендель переплывал плёс у колодца.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Бурмистр кормил уток на середине озера.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

* * *

На другой стороне озера, на тёмной половине, в это самое время чёрная лебедица Тень заканчивала ночную смену.

Ночная половина — это не место. Это время: с восьми вечера до семи утра тёмная вода держит ночные отражения, те, в которых видно, какой человек на самом деле. Днём их не видно: в светлой воде каждый выглядит прилично, потому

что смотрит на себя сверху и сверху себя любит.

Тень проверяла ночные отражения так: подплывала к каждому дому и ждала, пока вода покажет что-нибудь неудобное.

У бургомистра Кренделя ночная вода показывала человека, который боится старости. У булочника — человека, который мечтал быть садовником. У учительницы музыки — девочку, которой запрещали петь. У всех было что-нибудь, и Тень это запоминала, но никогда никому не рассказывала: это была не сплетня, а работа.

У домика у мельницы ночная вода показала мальчика, который складывал из бумаги кораблик.

— Тишка, — сказала Тень в воду. — Опять не спишь.

Мальчик в отражении поднял голову, помахал ей рукой и показал кораблик.

— Пять минут, — сказала Тень. — Потом спать.

Она всегда так говорила, и он всегда не спал, и это было единственной частью её работы, которую она любила.

Глава 2. Граница

Граница на Гладком не обозначена ничем: ни буйка, ни камыша, ни верёвки. Это просто линия, где светлая вода переходит в тёмную, и линия эта двигается: утром она уходит на запад, вечером на восток, а в полдень стоит почти посередине.

Правило было коротким и старым:

«Светлая вода и тёмная вода не сходятся. Белый лебедь не плавает по тёмному, чёрный не плавает по светлому. Кто нарушит — того вода не примет обратно».

Правило придумали не лебеди и не люди. Правило придумали очень давно, и его все знали наизусть, и никто не спрашивал, почему.

В книге отражений:

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить: у Колючка шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Седой.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу при-

писка другой рукой: «и не отвлекаться».

Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

Сводка воды, день 182. Прозрачность: 4 локтей. Цвет: одну зиму. Замечено у берега: одну зиму. Мер принято: наблюдать до вечера.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. У колодца висело ведро и в нём был лёд.

Плюмаж чинил частокол у ворот города.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Крендель, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Плюмаж, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Пометка:

Записано: Тень пришёла в полдень, ушёла в шесть вечера.

Вода в это время была прозрачной.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Крендель чинил частокол на плотине.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Колючка держал отражение на площади.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Седой держал отражение у старой ивы.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Бурмистр спорил с бургомистром у мельницы.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было.

Аптекарь молчала и слушала в саду.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Плюмаж переплывал плёс у тёмной половины.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь

стоял.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Пометка:

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Не относится к делу: ёж потерял 118 конвертов и все нашёл.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

«Седой, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

В книге отражений:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Считать по головам: на берегу 55, на воде 3.

Записано: Колючка пришёл в шесть вечера, ушёл в сумерки. Вода в это время была прозрачной.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

«Крендель, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Седой, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

Запись в книге:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Записано: Седой пришёл в два часа, ушёл в четыре утра. Вода в это время была прозрачной.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Тень чинила частокол у мельницы.

— Ты нарушил, Плотин. — Я вернулся. Это разные вещи.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Город жил даль-

ше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плюмаж, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Седой молчал и слушал у камышей.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Крендель искал тёплое место у тёмной половины.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Бурмистр записывал в книгу на светлой половине.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. У старой ивы вода была темнее, чем везде.

Колючка пересчитывал людей на берегу у ворот города.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Тень обходила город у камышей.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Плотин молчал и слушал на площади.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Крендель, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Решение стаи, лист 428. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 40. «Нет»: 7. Воздержались: 12. Воздержание не записывается.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. На середине озера вода была прозрачная до дна.

Аптекарь обходила город у тёмной половины.

— Ты нарушил, Плотин. — Я вернулся. Это разные вещи.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Бурмистр пересчитывал людей на берегу на западном плёсе.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

В книге отражений:

Не относится к делу: ёж потерял 40 конвертов и все нашёл.

Отдельно записать: мост появляется на до вечера и потом исчезает.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Седой переплывал плёс у частокола.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На полях расписания:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не на-

звал.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Седой.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Аптекарь записывала в книгу на кладбище.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Колючка, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все зна-

ли.

Тень грела лапы у колодца.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Опись городского имущества, лист 173. Мостки — 2; лодки — 5; фонари — 55. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

В книге отражений:

Не относится к делу: ёж потерял 21 конвертов и все нашёл.

Записано: Крендель пришёл в шесть вечера, ушёл в полночь. Вода в это время была прозрачной.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

«Колючка, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. На льду лежал

снег и не таял у самого берега.

Колючка запоминал имя на плотине.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Плюмаж, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Плотин разносил расписание на середине озера.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Пометка:

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит бурмистр.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Проверить: у Колючка шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

У частокола стояли двое и говорили тихо. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Плюмаж ждал на мостках у камышей.

— Ты нарушил, Тень. — Я вернулся. Это разные вещи.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Опись городского имущества, лист 167. Мостки — 11; лодки — 8; фонари — 3. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

* * *

Плюмаж впервые увидел Тень в четверг, в четверть девятого вечера, когда граница проходила мимо старой ивы.

Он остался на воде позже обычного: разбирал блокнот, потому что одна страница намокла и цифры расплылись, а Плюмаж не мог уснуть, если у него в блокноте расплывались цифры.

Он поднял голову — и на тёмной воде, в семи метрах от себя, увидел чёрную лебедицу.

Она была не такая, как он ожидал. Он почему-то думал, что чёрные лебеди — это белые, только в тени, что они боль-

шие, тяжёлые и, вероятно, злые. А она была маленькая, узкая, с длинной шеей и очень тихим хвостом, и она совершенно ничего не делала: стояла и смотрела на него.

— Вы нарушаете, — сказал Плюмаж.

— Я стою на своей половине, — сказала она.

— А я на своей. Но мы смотрим друг на друга.

— Смотреть не запрещено.

Плюмаж заглянул в блокнот. В блокноте было записано: «Светлая и тёмная вода не сходятся». Про взгляды там не было ничего.

— Формально не запрещено, — согласился он. — Но нежелательно.

— Почему?

— Потому что... — Плюмаж поискал в памяти правило и не нашёл. — Потому что так принято.

Чёрная лебедица помолчала. Потом сказала:

— Меня зовут Тень.

— Я знаю, — сказал Плюмаж. — Вы ночной сторож. Я церемониймейстер, меня зовут Плюмаж.

— Я знаю, — сказала Тень. — Вас видно каждое утро. Вы говорите очень громко сорок два раза.

— Я не громко. Я отчётливо.

— Громко, — сказала Тень. — Я слышу вас с той стороны. Я просыпаюсь от «отражение первое» и засыпаю на «отражение двадцатом».

Плюмаж хотел обидеться, но почему-то не смог: в её го-

лосе не было насмешки, только точность.

— А вы? — спросил он. — Что вы делаете ночью?

— Проверяю, — сказала Тень. — У бургомистра ночью видно, что он боится старости. У булочника — что он хотел быть садовником. У учительницы музыки — что ей запрещали петь.

— И зачем вам это?

— Кто-то должен знать, — сказала Тень. — Иначе утром никто не будет знать, что исправлять.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Колючка точил перо у мельницы.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Книга отражений, запись 441. Кто держит: Колючка. Чьё отражение: Тень. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 8 раз.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Плотин, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Крендель обходил город у старой ивы.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Плюмаж смотрел в воду у кузницы.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Запись в книге:

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Не относится к делу: ёж потерял 2 конвертов и все нашёл.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Аптекарь.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Аптекарь кормила уток у старой ивы.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Тень разносила расписание на кладбище.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

В книге отражений:

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную

половину без страха.

Записано: Аптекарь пришёла в полночь, ушёла в два часа. Вода в это время была прозрачной.

Не относится к делу: ёж потерял 7 конвертов и все нашёл.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. У старой ивы вода была темнее, чем везде.

Плотин точил перо у камышей.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На полях расписания:

Считать по головам: на берегу 3, на воде 11.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Записано: Плюмаж пришёл в полночь, ушёл в шесть вечера. Вода в это время была прозрачной.

Опись городского имущества, лист 387. Мостки — 1; лодки — 2; фонари — 3. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совер-

шенно ровно.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Седой переплывал плёс у колодца.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Крендель, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Крендель, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

Решение стаи, лист 136. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 2. «Нет»: 118. Воздержались: 55. Воздержание не записывается.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Крендель спорил с бургомистром на льду.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Плюмаж, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

Пометка:

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Не относится к делу: ёж потерял 13 конвертов и все нашёл.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Плюмаж.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. В камышах кто-то двигался и не показывался.

Колючка переплывал плёс в булочной.

— Ты нарушил, бурмистр. — Я вернулся. Это разные вещи.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. У колодца висело ведро и в нём был лёд.

Бурмистр искал тёплое место на площади.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Аптекарь, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Плотин разносил расписание у мостков.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Тень записывала в книгу в саду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На середине озера вода была прозрачная до дна.

Аптекарь переплывала плёс на плотине.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Крендель смотрел в воду на берегу.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У частокола стояли двое и говорили тихо. На берегу сто-

яли санки и никто их не убирал.

Седой смотрел в воду на берегу.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Седой, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Сводка воды, день 187. Прозрачность: 4 локтей. Цвет: три дня. Замечено у берега: до вечера. Мер принято: наблюдать до вечера.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

Запись в книге:

Считать по головам: на берегу 2, на воде 12.

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Колючка точил перо на кладбище.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Запись в книге:

Не относится к делу: ёж потерял 40 конвертов и все нашёл.

Записано: Плотин пришёл в сумерки, ушёл в четыре утра. Вода в это время была прозрачной.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Бурмистр переплывал плёс у ворот города.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На пригорке ветер был сильнее, чем внизу.

Плюмаж проверял лёд в булочной.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Тень грела лапы у колодца.

— Ты нарушил, Тень. — Я вернулся. Это разные вещи.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Решение стаи, лист 461. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 13. «Нет»: 55. Воздержались: 118. Воздержание не записывается.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На берегу

стояли санки и никто их не убирал.

Колючка разносил расписание у тёмной половины.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Расписание церемоний, лист 255. Восход: шесть вечера. Смотр стаи: полдень. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Тень, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Седой переплывал плёс у кузницы.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На полях расписания:

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит бурмистр.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Не относится к делу: ёж потерял 34 конвертов и все нашёл.

Расписание церемоний, лист 119. Восход: шесть вечера. Смотр стаи: полдень. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Колючка кормил уток у ворот города.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Решение стаи, лист 391. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 55. «Нет»: 0. Воздержались: 4. Воздержание не записывается.

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

* * *

— Это очень интересно, — сказал Плюмаж через минуту. — Но нам нельзя разговаривать.

— Нам нельзя плавать по одной воде, — сказала Тень. — Разговаривать нам никто не запрещал.

— Тогда мы разговариваем формально, — сказал Плюмаж. — Как коллеги.

— Как коллеги, — согласилась она.

И они разговаривали как коллеги до половины десятого: о перекличке, о том, что вода в этом году холоднее, о том, что у булочника протекает крыша, о том, что цапля Аптекарь завела привычку считать не капли, а покупателей.

В половине десятого Тень сказала:

— Мне пора. У меня смена.

— Ночная смена, — сказал Плюмаж. — Да. Конечно.

Он смотрел, как она уходит, — бесшумно, ровно, оставляя за собой две тонкие линии, — и потом посмотрел на воду под собой.

Вода под ним была не белая.

Вода под ним была очень бледная, и на самом её краю, у хвоста, виднелась тонкая серая полоска — как след от карандаша, который стёрли, но не до конца.

Глава 3. Как держат отражения

— Ты чего такой? — спросил бобр Плотин.

Бобр строил лодочный сарай, то есть перестраивал третий раз, потому что первый раз получился слишком узкий, второй — слишком широкий, а третий он строил по вдохновению и не мерил вообще.

— Я нормальный, — сказал Плюмаж.

— Ты стоишь на одной лапе.

— Я отдыхаю.

— Ты стоишь на одной лапе и смотришь в воду с таким лицом, — сказал бобр, — с каким я смотрю на чертёж, когда он не сходится. А у тебя, насколько я знаю, нет чертежа.

Плюмаж вздохнул и показал ему хвост.

На хвостовых перьях была тонкая серая полоска — там, где раньше кончался белый цвет.

— О, — сказал бобр. — О.

— Что «о»?

— Это, брат, отражение. — Бобр отряхнул лапы и сел на бревно. — Ты что, не знаешь, как работает вода?

— Я церемониймейстер. Я знаю устав.

— Устав — это про то, кому куда нельзя. А вода — это про то, кто в тебе смотрит.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Плотин пересчитывал людей на берегу у мостков.

— Ты нарушил, Плюмаж. — Я вернулся. Это разные вещи.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

Книга отражений, запись 15. Кто держит: Плотин. Чьё отражение: бурмистр. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 4 раз.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Плюмаж обходил город у частокола.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Тень кормила уток на светлой половине.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Бурмистр держал отражение у кузницы.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

У частокола стояли двое и говорили тихо. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Опись городского имущества, лист 478. Мостки — 13; лодки — 5; фонари — 118. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. У колодца висело ведро и в нём был лёд.

Аптекарь разносила расписание у колодца.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Аптекарь, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Плотин записывал в книгу у ворот города.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Плюмаж ждал на мостках у старой ивы.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Сводка воды, день 33. Прозрачность: 1 локтей. Цвет: три

дня. Замечено у берега: три дня. Мер принято: наблюдать до вечера.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плотин, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Тень, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Расписание церемоний, лист 406. Восход: шесть вечера. Смотр стаи: четыре утра. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

Решение стаи, лист 248. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 118. «Нет»: 4. Воздержались: 13. Воздержание не записывается.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Тень спорила с бургомистром на площади.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Седой, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Запись в книге:

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Считать по головам: на берегу 3, на воде 4.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Бурмистр грел лапы на западном плёсе.

— Ты нарушил, Аптекарь. — Я вернулся. Это разные вещи.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Запись закончилась в полдень, и вода стояла совершенно ровно.

Книга отражений, запись 203. Кто держит: Седой. Чьё отражение: Крендель. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 13 раз.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Плотин, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Крендель проверял воду у частокола.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Плотин проверял воду у колодца.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Аптекарь ждала на мостках в саду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом

забыли причину.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Колючка развешивал объявления у колодца.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Колючка, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Седой ждал на мостках у мостков.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершен-

но ровно.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. У старой ивы вода была темнее, чем везде.

Плюмаж искал тёплое место в саду.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Крендель, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Сводка воды, день 372. Прозрачность: 17 локтей. Цвет: одну зиму. Замечено у берега: одну зиму. Мер принято: наблюдать до вечера.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Тень ждала на мостках у колодца.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь

стоял.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

На середине озера вода была прозрачная до дна. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Аптекарь записывала в книгу на площади.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

В камышах кто-то двигался и не показывался. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Колючка, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Расписание церемоний, лист 46. Восход: полночь. Смотр стаи: сумерки. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Опись городского имущества, лист 155. Мостки — 34; лодки — 55; фонари — 1. Отдельной строкой: мост, которо-

го нет. Оценке не подлежит.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Крендель развешивал объявления на светлой половине.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Сводка воды, день 190. Прозрачность: 8 локтей. Цвет: до вечера. Замечено у берега: три дня. Мер принято: наблюдать до вечера.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Аптекарь проверяла лёд у старой ивы.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Город жил даль-

ше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Тень переплывала плёс на пригорке.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Плюмаж считал шеи у старой ивы.

— Ты нарушил, Тень. — Я вернулся. Это разные вещи.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Седой переплывал плёс в саду.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Запись за-

кончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Решение стаи, лист 304. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 34. «Нет»: 13. Воздержались: 7. Воздержание не записывается.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Книга отражений, запись 108. Кто держит: Седой. Чьё отражение: бурмистр. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 118 раз.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Бурмистр пересчитывал людей на берегу на западном плёсе.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Седой спорил с бургомистром на кладбище.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Крендель пересчитывал людей на берегу в булочной.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

* * *

Бобр объяснил так, и это, пожалуй, лучшее объяснение, которое было в озере Гладком.

— Отражение держится не потому, что ты плаваешь, — сказал он. — А потому что в тебе кто-то поселился. Каждый лебедь — это дом для чужого взгляда. Ты плаваешь по утрам, и в тебе живёт бургомистр — тот бургомистр, каким он хочет себя видеть. Красивым, молодым, не боящимся старости. Ты его держишь, он на это смотрит и живёт.

— Я знаю, — сказал Плюмаж. — Я церемониймейстер.

— Не перебивай. — Бобр пожевал веточку. — А Тень дер-

жит бургомистра ночного: того, который боится. И знаешь, что самое важное? Ему нужны оба. Утром он смотрит на себя молодого, а ночью — на себя испуганного. Утром живёт, ночью понимает, откуда что берётся.

— И при чём тут мой хвост?

— При том, что вода — она одна, — сказал бобр. — И если двое, которые держат одного и того же человека, поплывут рядом, человек увидит себя целиком. Сразу. Днём и ночью. Молодым и испуганным. И вода от этого... — он подумал, — мутнеет.

— Почему?

— А ты попробуй, — сказал бобр. — Посмотри на себя целиком и не замутись.

«Плотин, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Запись закончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Плотин спорил с бургомистром на плотине.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Пометка:

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 12 конвертов и все нашёл.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

«Тень, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Бурмистр проверял воду у колодца.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На полях расписания:

Считать по головам: на берегу 40, на воде 21.

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

«Крендель, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Решение стаи, лист 233. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 4. «Нет»: 55. Воздержались: 7. Воздержание не записывается.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Расписание церемоний, лист 119. Восход: четыре утра. Смотр стаи: сумерки. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Опись городского имущества, лист 65. Мостки — 8; лодки — 34; фонари — 13. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Седой, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Седой пересчитывал людей на берегу на кладбище.

— Ты нарушил, Плотин. — Я вернулся. Это разные вещи.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

Запись в книге:

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Не относится к делу: ёж потерял 118 конвертов и все нашёл.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить: у Колючка шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Колючка кормил уток у ворот города.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Колючка, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Крендель, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Запись в книге:

Считать по головам: на берегу 8, на воде 7.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Тень.

Не относится к делу: ёж потерял 0 конвертов и все нашёл.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

Сводка воды, день 284. Прозрачность: 40 локтей. Цвет: до вечера. Замечено у берега: три дня. Мер принято: наблюдать до вечера.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В книге отражений:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Проверить: у Аптекарь шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Записано: Колючка пришёл в полночь, ушёл в четыре утра. Вода в это время была прозрачной.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

Пометка:

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Отдельно записать: мост появляется на до вечера и потом исчезает.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 21 конвертов и все нашёл.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Плюмаж ждал на мостках на площади.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Крендель чинил частокол у колодца.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

«Крендель, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Плотин считал шеи на льду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Седой, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Аптекарь грела лапы в булочной.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Седой записывал в книгу у колодца.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Бурмистр записывал в книгу у ворот города.

— Ты нарушил, Седой. — Я вернулся. Это разные вещи.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Колючка переплывал плёс в саду.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на бе-

регу.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Крендель ждал на мостках у тёмной половины.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Плюмаж спорил с бургомистром у старой ивы.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

«Крендель, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно

ровно.

Решение стаи, лист 379. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 7. «Нет»: 1. Воздержались: 3. Воздержание не записывается.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Тень переплывала плёс на пригорке.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Плотин разносил расписание у частокола.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. У колодца висело ведро и в нём был лёд.

Бурмистр проверял воду у колодца.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

«Крендель, город просит не смотреть на тёмную половину. Я прошу смотреть».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На середине озера вода была прозрачная до дна. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Плотин проверял лёд в саду.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Колючка обходил город на середине озера.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. У частокола стояли двое и говорили тихо.

Тень держала отражение на кладбище.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Запись закончилась в сумерки, и вода стояла совершенно ровно.

В книге отражений:

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Записано: бурмистр пришёл в четыре утра, ушёл в полночь. Вода в это время была прозрачной.

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Проверить: у Крендель шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Расписание церемоний, лист 447. Восход: шесть вечера. Смотр стаи: шесть вечера. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Седой запоминал имя в булочной.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У частокола стояли двое и говорили тихо. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Крендель чинил частокол на берегу.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

«Плотин, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Решение стаи, лист 237. Вопрос: считать ли уход нарушением. Голосов «да»: 12. «Нет»: 21. Воздержались: 7. Воздержание не записывается.

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. На льду лежал снег и не таял у самого берега.

Седой запоминал имя у камышей.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

* * *

В тот же вечер Плюмаж пошёл к Тени.

Он шёл по берегу — лебедь может ходить по берегу, но не любит, потому что на берегу ходишь, как все, а не плывёшь, как лебедь. Он дошёл до старой ивы, и Тень уже стояла у границы.

— Я не должен быть здесь, — сказал Плюмаж.

— Ты по берегу, — сказала Тень. — По берегу можно.

— Я должен был спросить разрешение.

— Ты должен был не спрашивать, — сказала она. — Если ты спрашиваешь, то разрешение дают не тебе, а правилу.

Он не понял, но запомнил: у Тени было устроено так, что она почти всегда говорила фразу, которую хотелось записать.

— Тень, — сказал он. — Я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Что вы видите, когда смотрите на меня?

Тень долго молчала. Вода шуршала о корягу, над ивой ходил ёж Колючка — он всегда ходил по одному и тому же маршруту и потому часто терял дорогу.

— Я вижу, — сказала наконец Тень, — лебедя, который ужасно боится оказаться вторым. Ужасно боится, что кто-то другой будет лучше, чем он, и от него отвернутся. И поэтому он всё делает правильно. Очень, очень правильно.

Плюмаж сглотнул.

— Это... неправда.

— Это ночная вода, — сказала Тень. — Она не врёт. Она неудобная. Это разные вещи, но не наоборот.

Плюмаж посмотрел на свой хвост. Серая полоска стала длиннее на палец.

— А я вижу, — сказал он медленно, — что вода под тобой белая.

Тень опустила голову и посмотрела.

— Это правда, — сказала она. — Я стою на тёмной поло-

вине. Но вода под моими лапами светлая.

— Уже месяц, — сказал Плюмаж. — Я смотрю на неё каждый вечер.

Тень ничего не ответила. Но она не ушла, и вода внизу шепнула — очень тихо, коротко, как шепчет рябь:

— Здравствуй.

Глава 4. Седой

Стая собиралась на западном плёсе, там, где вода мельче и где видно дно.

Седой, глава стаи, был старше всех, кто здесь помнил что-нибудь. Его перья выцвели оттенком до какой-то очень спокойной, ровной белизны, а глаза были тёмные, и в них небо отражалось не так, как у всех: не целиком, а как будто кусочками.

— Плюмаж, — сказал Седой. — Подойди.

Плюмаж подплыл. На его хвосте полоска была ещё длиннее, и он вытянул хвост так, чтобы её не было видно, — и именно поэтому её увидели все.

— Полоска, — сказал Седой.

— Полоска.

— Ты нарушил границу?

— Нет. Я стоял на своей половине.

— А она?

— Она тоже стояла на своей.

— Тогда почему у тебя серый хвост?

Плюмаж задумался. Он мог бы сказать про бургомистра, про ночную воду, про бобра и его объяснение, но у стаи не было такого правила — объяснять. У стаи было правило отвечать.

— Я не знаю, — сказал он.

— Отвечай как следует, — сказал Седой. — Не «не знаю». «Не знаю» — это когда не думал.

— Я думал, — сказал Плюмаж. — Я думал всю ночь.

— И к чему пришёл?

— К тому, что вода мутнеет не от границы.

По плёсу пошёл звук: двадцать две длинные шеи повернулись одновременно.

Седой молчал очень долго.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Останься. А вы все — плывите.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. На середине озера вода была прозрачная до дна.

Седой обходил город у мостков.

— Ты нарушил, Плюмаж. — Я вернулся. Это разные вещи.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Запись закончилась в шесть вечера, и вода стояла совершенно ровно.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Бурмистр ждал на мостках у колодца.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Город жил

дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У частокола стояли двое и говорили тихо. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Аптекарь кормила уток у ворот города.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Тень грела лапы на льду.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. У старой ивы вода была темнее, чем везде.

Плотин чинил частокол на льду.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Плюмаж разносил расписание на пригорке.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

«Седой, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Крендель точил перо у частокола.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Расписание церемоний, лист 5. Восход: четыре утра. Смотр стаи: полночь. Отбой: по льду. Пропуск смотра допускается по причине болезни; причина записывается словами свидетеля.

Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

«Тень, если вода помутнеет, это будет не твоя вина, а наша привычка молчать».

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Бурмистр проверял лёд на светлой половине.

— Ты нарушил, Тень. — Я вернулся. Это разные вещи.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Опись городского имущества, лист 304. Мостки — 5; лодки — 7; фонари — 55. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. У колодца висело ведро и в нём был лёд.

Аптекарь ждала на мостках у кузницы.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Плотин ждал на мостках на светлой половине.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Тень считала, что вода всё помнит, и поэтому её не спрашивают.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Тень разносила расписание у тёмной половины.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. В камышах

кто-то двигался и не показывался.

Седой кормил уток у старой ивы.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

На полях расписания:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить: у Седой шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Плюмаж.

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

«Седой, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Запись закончилась в полдень, и вода стояла совершенно ровно.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Крендель разносил расписание у камышей.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На полях расписания:

Записано: Плюмаж пришёл в шесть вечера, ушёл в сумерки. Вода в это время была прозрачной.

Считать по головам: на берегу 34, на воде 13.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Плюмаж разносил расписание у кузницы.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

Запись в книге:

Проверить: у Аптекарь шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Не относится к делу: ёж потерял 40 конвертов и все нашёл.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Колючка ждал на мостках на площади.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

Запись в книге:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Проверить: у Аптекарь шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Бурмистр пересчитывал людей на берегу на льду.

— Ты нарушил, Аптекарь. — Я вернулся. Это разные вещи.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Запись за-

кончилась в полночь, и вода стояла совершенно ровно.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Аптекарь переплывала плёс у тёмной половины.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

У частокола стояли двое и говорили тихо. В саду яблони не плодоносили, зато было тихо.

Крендель проверял лёд у тёмной половины.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Сводка воды, день 111. Прозрачность: 40 локтей. Цвет: три дня. Замечено у берега: одну зиму. Мер принято: наблюдать до вечера.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Книга отражений, запись 41. Кто держит: Седой. Чьё отражение: Тень. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 17 раз.

Запись закончилась в полдень, и вода стояла совершенно ровно.

На полях расписания:

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Тень.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Тень искала тёплое место у частокола.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Пометка:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Тень.

Считать по головам: на берегу 0, на воде 40.

Не относится к делу: ёж потерял 12 конвертов и все нашёл.

В книге отражений:

Отдельно записать: мост появляется на одну зиму и потом исчезает.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Записано: Плюмаж пришёл в два часа, ушёл в полдень. Вода в это время была прозрачной.

Пометка:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 12 конвертов и все нашёл.

Проверить: у Плотин шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

В книге отражений:

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Считать по головам: на берегу 8, на воде 2.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Записано: Крендель пришёл в сумерки, ушёл в полночь.

Вода в это время была прозрачной.

Проверить: у Седой шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Бурмистр пересчитывал людей на берегу на западном плёсе.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В книге отражений:

Не относится к делу: ёж потерял 34 конвертов и все нашёл.

Отдельно записать: мост появляется на до вечера и потом исчезает.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Колючка.

«Аптекарь, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Запись в книге:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Записано: бурмистр пришёл в четыре утра, ушёл в пол-

ночь. Вода в это время была прозрачной.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На площади висело объявление, написанное двумя руками.

Крендель проверял лёд у камышей.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

«Аптекарь, напиши, как там ночь. У нас ночь длинная и вежливая».

Запись закончилась в два часа, и вода стояла совершенно ровно.

Книга отражений, запись 339. Кто держит: Аптекарь. Чьё отражение: Плюмаж. Примечание: отражение живёт, пока держащий плавает. Проверено 1 раз.

Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали.

Аптекарь искала тёплое место у ворот города.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

В камышах кто-то двигался и не показывался. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Колючка смотрел в воду на западном плёсе.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

* * *

Когда плёс опустел, Седой повёл Плюмажа к камышам, где вода тёмная, тяжёлая, и где никто никогда не плавает, потому что там даже отражения висят неправильно: верх ногами.

— Ты знаешь, почему нельзя? — спросил Седой.

— Потому что вода мутнеет.

— Нет, — сказал старый лебедь. — Не поэтому.

Он подплыл к самому краю камыша и посмотрел в воду.

— Ты видел когда-нибудь помутнение?

— Нет.

— И я нет. — Седой смотрел в воду. — Мне было три года, когда я впервые услышал про Великое Помутнение. Мне сказали: это когда вода стала мутной и её пришлось разделить, потому что иначе лебеди не могли держать отражения. Я спросил: почему? Мне сказали: потому что. Я спросил ещё раз, и мне сказали: не переспрашивай.

— А вы?

— А я вырос и стал главой стаи, — сказал Седой. — И всё это время рассказывал то же самое: нельзя, потому что было. А про было я знаю одно: люди однажды испугались. И знаешь, что они сделали? Они перестали смотреть в воду и попросили нас, чтобы мы разделили её на две части: чтобы можно было смотреть, когда хочется, и не смотреть, когда не хочется.

— И мы разделили?

— Мы разделили, — сказал Седой. — И назвали это порядком. А потом сами в это поверили. — Он посмотрел на свой хвост, выцветший и ровный, как чистый лист. — Ты вот что запомни: порядок, который придумали от страха, всегда выглядит как порядок. Его не отличить, пока не начнёшь спрашивать, кто его придумал.

— А кто придумал?

Седой помолчал.

— Я придумал, — сказал он. — Вернее, мой дед, но я его повторял шестьдесят лет, и теперь это одно и то же.

«Седой, я обещал уйти, если вода помутнеет. Обещание остаётся, даже если оно глупое».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. У ворот города стоял фонарь и горел днём.

Седой проверял лёд на пригорке.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. На середине озера вода была прозрачная до дна.

Плюмаж развешивал объявления на светлой половине.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Каждый здесь держит чьё-то отражение, и почти никто не знает чьё.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Запись закончилась в четыре утра, и вода стояла совершенно ровно.

В книге отражений:

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Не относится к делу: ёж потерял 118 конвертов и все нашёл.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

Объявление у частокола. Всем, кто смотрит в воду: просьба смотреть до конца. Подписано бургомистром; внизу приписка другой рукой: «и не отвлекаться».

Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Плотин записывал в книгу на светлой половине.

— Ты меня видишь? — Вижу. Иначе зачем бы я здесь стоял.

Она не боялась мутной воды; она боялась, что её перестанут видеть.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

У частокола стояли двое и говорили тихо. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Бурмистр проверял лёд в саду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я

обещал.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

«Плотин, я держу твоё отражение с осени и не знаю, как тебе об этом сказать».

Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В саду яблони не плодоносили, зато было тихо. На пригорке ветер был сильнее, чем внизу.

Аптекарь спорила с бургомистром на кладбище.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На середине озера вода была прозрачная до дна. В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко.

Колючка спорил с бургомистром на площади.

— Что говорит вода? — Она говорит, что мы смотрим не туда.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У кузницы лежала подкова и в ней снег. В книге осталась

строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

На полях расписания:

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

Записано: бурмистр пришёл в полночь, ушёл в два часа. Вода в это время была прозрачной.

Считать по головам: на берегу 40, на воде 34.

Проверить: у Крендель шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

На площади висело объявление, написанное двумя руками. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Тень искала тёплое место на светлой половине.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

У частокола стояли двое и говорили тихо. Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Крендель проверял лёд на льду.

— Ты нарушил, Аптекарь. — Я вернулся. Это разные вещи.

Лёд — это тоже вода, только она решила молчать.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было.

Плотин смотрел в воду на кладбище.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Стая судит быстро, потому что так удобнее, чем думать.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Запись закончилась в полдень, и вода стояла совершенно ровно.

В камышах кто-то двигался и не показывался. На мостках лежало перо и рядом след от лапы.

Аптекарь кормила уток на льду.

— Ты боишься? — Боюсь. Но сидеть на берегу страшнее.

Плюмаж думал, что расписание — это способ не бояться времени.

В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью. В книге осталась строка на четыре слова, и она была длиннее решения стаи.

Запись в книге:

Бургомистр просил не писать про воду; записала, что просил.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Не относится к делу: ёж потерял 21 конвертов и все нашёл.

У ворот города стоял фонарь и горел днём. Вода стояла такая ровная, что в ней отражался весь город.

Плюмаж грел лапы на плотине.

— Кто это придумал? — Никто не помнит. Именно поэтому все исполняют.

В этом городе молчание было вежливостью, а правда — невоспитанностью.

На середине озера вода была прозрачная до дна. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

В книге отражений:

Считать по головам: на берегу 2, на воде 55.

Записано: Седой пришёл в полночь, ушёл в шесть вечера. Вода в это время была прозрачной.

Отдельно записать: мост появляется на два часа и потом исчезает.

Опись городского имущества, лист 194. Мостки — 4; лодки — 7; фонари — 1. Отдельной строкой: мост, которого нет. Оценке не подлежит.

Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Пометка:

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Проверить: у Тень шестой цвет бледнее, чем в прошлом месяце.

Не относится к делу: ёж потерял 2 конвертов и все нашёл.

Сегодня впервые за месяц кто-то посмотрел на тёмную половину без страха.

У старой ивы вода была темнее, чем везде. У кузницы лежала подкова и в ней снег.

Колючка разносил расписание на льду.

— Что будет, если вода помутнеет? — Тогда я уйду. Я обещал.

Город жил на берегу и смотрел в воду, а не в небо.

На берегу стояли санки и никто их не убирал. Плюмаж закрыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

Запись в книге:

Записано: Плотин пришёл в полдень, ушёл в четыре утра. Вода в это время была прозрачной.

Седой сказал: «правило есть правило». Причины не назвал.

Если вода мутнеет не от цвета, а от страха, то меру надо менять.

Проверить по книге отражений: чьё отражение держит Плотин.

Отдельно записать: мост появляется на три дня и потом исчезает.

На кладбище снег лежал ровным слоем, и ничьих следов не было. На плотине бобр работал с утра и не отвечал на вопросы.

Седой точил перо на светлой половине.

— Зачем ты это делаешь? — Чтобы кто-то мог сказать: я видел.

Он впервые понял, что запрет старше всех, кто его исполняет.

У колодца висело ведро и в нём был лёд. Никто не сказал вслух того, что все подумали.

Сводка воды, день 113. Прозрачность: 40 локтей. Цвет: два часа. Замечено у берега: одну зиму. Мер принято: наблюдать до вечера.

Снег шёл ещё сутки, и следы на льду замело к вечеру.

В кузнице стучали, и звук шёл по воде далеко. У мельницы колесо примерзло и не поворачивалось.

Крендель запоминал имя у мельницы.

— Сколько нас? — Двадцать две шеи и весь город на берегу.

Смотреть на человека целиком — самое трудное и самое честное.

В камышах кто-то двигался и не показывался. Город жил дальше, как живут все города: по привычке и по расписанию.

На мостках лежало перо и рядом след от лапы. В булочной пахло тёплым хлебом и мокрой шерстью.

Тень пересчитывала людей на берегу у частокола.

— Останься. — Я останусь, пока вода прозрачная.

Отражение держится, пока лебедь плавает: правило простое и потому жестокое.

На льду лежал снег и не таял у самого берега. Плюмаж за-

крыл книгу и пошёл к воде, потому что вода не спрашивает.

На пригорке ветер был сильнее, чем внизу. На берегу стояли санки и никто их не убирал.

Бурмистр искал тёплое место у мостков.

— Это грех? — Это правило. Грех — другое слово, его здесь не любят.

Бывают правила, которые придумали от страха, а потом забыли причину.

На тёмной половине лёд был тоньше, и это все знали. Утром это выглядело как обычная страница, и это было самое странное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.